

ШЛЯГЕР «ЭВРИДИКА»

Как мы вовремя успели!
Мы с тобой проедем снова
мимо жизни, мимо цели,
мимо Стрельны и Сосновой.

И приедем: что за местность?
не бывали здесь ни разу...
Ты на холм взберёшься: лес на
двадцать криков, тридцать спазмов.

Что за странная погода, —
ни зима кругом, ни лето,
непонятно время года,
да и света мало, света!

Да и ты почти что таешь,
шарик жизни, видно, сдулся,
ускользаешь, ускользаешь...
Боже, где я оглянулся?

ПАН

Каких-то звуков хаос, как в нутре
рояля копошащиеся дети...
Он задевал пространство, рос и зрел,
прислушиваясь к спору квинт и терций.

Он трогал воздуха прозрачное лицо.
Звук начинался в сердце и, протяжен,
выстраивал Вселенную торцом,
дрожащую, как воздух в недрах скважин.

Горячее дыхание впотьмах
толкается и путь себе находит
под чутких пальцев судорожный взмах, —
и смыслом расширяется в природе,

и умирает, превращаясь в звук...
Он вслушался: ни жалок, ни прекрасен,
зато вобрал биенье и испуг,
зато с моим дыханием согласен.

ИЗ ЦИКЛА «ПОСЛЕ ГРЕЦИИ»

После Греции всё по-другому:
доверяешь пути — слепому,
знаешь, он приведёт тебя к дому,
где событий торжественный ход
возрастанием жизни живёт.

Твоё зрение проще, чище:
этот нищий — не просто нищий,
а всё тот же бедняк Одиссей,
за незнание истинной пищи
расплатившийся жизнью всей.

И теперь, поумерив прыти,
прошиваешь суровой нитью
суету повседневности, видя
не старухи проваленный рот,
а в Аид таинственный вход.

После Греции, после, после...
Как бездарно мы возимся возле!
Только Греции маленький ослик
и выводит на правильный путь,
где даётся сполна хлебнуть

соль скитаний и боль трагедий,
груз чужбины и вкус её снеди,
да привольного моря сети,
так стянувшие острова,
что уловом Земля жива
до сих пор.